

Украина в наследии Жаботинского

Михаил Вайскопф

Владимир или, на иврите, Зеэв Жаботинский (1880-1940) был уникальной фигурой в общероссийской, а равно и в еврейской национальной публицистике. До революции он входил в число наиболее престижных и полемически заряженных журналистов России; а затем, всецело сосредоточившись на сионизме, оказался и в его среде самым востребованным, контroversальным, а для многих ненавистным автором. Он вообще обладал, по его признанию, «свойством раздражать людей», которые обвиняли его в умении и склонности обострять противоречия (Жаботинский 2009, 34-5, 95).

Это был человек неукротимого темперамента и необъятного кругозора. В частности, не подлежат сомнению его заслуги перед русской литературой – именно он ввел в нее своего одесского земляка Корнея Чуковского (который, в свою очередь, им восхищался и находил в нем нечто «моцартовское»); а роман самого Жаботинского *Самсон Назорей* (1925) оказал ощутимое воздействие на *Мастера и Маргариту* Михаила Булгакова, о чем мне уже доводилось писать на страницах *НЛО*. Повлияло его творчество и на кое-каких советских поэтов – от Безыменского до Багрицкого. В начале 1917 года, в разгар Первой мировой войны и накануне Февральской революции, он нашел время для написания литературно-критической статьи “Фабула”, которая энергично стимулировала последующее обращение русских литераторов к авантюрной тематике¹, – но об этом, как и о многом ином, речь пойдет поз-

¹ Вайскопф 2006а, также Вайскопф 2022, 319-40. подробнее Вайскопф 2006б, 195-247.

же. В самой же русской словесности решительное предпочтение Жаботинский отдавал поэзии: «Еще и поныне не без труда нахожу я стихотворение Пушкина, которое не было бы мне знакомо и которого я не знал бы до конца», – признавался он на склоне лет. Назубок знал он и Лермонтова (Жаботинский 1989, 17). Тем не менее по поводу политических аспектов русской – и стихотворной, и прозаической – классики он высказывался очень резко, поскольку, при всем уважении к ней, не выносил ее антисемитизма и агрессивно-националистической спеси («Русская ласка» – Жаботинский 1922, 123-30). Он не был приверженцем русской культуры – в частности, потому, что ее престижное давление на еврейскую среду мешало с его точки зрения возрождению ее собственной, национальной культуры.

Все это долгое время не мешало ему вносить в русскую литературу и свою лепту. Он был ярким поэтом, очень близким к ранним русским символистам, а также переводчиком на русский с нескольких языков²: всего он знал их десять. Его лучшим стихотворным произведением стала абсолютно новаторская драма *Чужбина*, датированная 1909 годом, но тогда запрещенная цензурой (полностью она выйдет лишь через несколько лет в Берлине). Ее главная, сквозная мысль – духовный разрыв с погромной чужбиной, решительный отказ от любых еврейских надежд и сантиментов, связанных с революцией. Аналогичная мысль, правда, постоянно звучала и в его публицистике.

Его юношеский перевод «Ворона» Эдгара По, который многие считали образцовым, переиздавали даже в самое глухое советское время – но лишь под его итальянским псевдонимом Altalena (позднее он переложил «Ворона» и на иврит). В юности он перевел на русский и ряд других стихотворений По, включая «Улялюм» и «Аннабель Ли», а также Вийона, Ростана, Мистрала, Петефи, не говоря уже о еврейских поэтах. Свои ранние опыты он напечатал в 1930-м в переработанном виде (Жаботинский 1930). В эту небольшую книжку вошли и переводы из еврейской поэзии – кроме прославленной поэмы Хаима-Нахмана Бялика *Город резни*, названной им *Сказанием о погроме*.

Его одесский земляк К. Чуковский, которого Жаботинский, его гимназический соученик, собственно, и ввел в русскую литературу, вспоминал: «От него первого узнал я о Роберте Броунинге, о Данте, Габриэле Россетти, о великих итальянских поэтах. Вообще он был полон любви к европейской культуре, и мне порой казалось, что здесь главный интерес в его жизни» (Цит. по: Иванова 2005, 14).

Особо привлекала его поэзия итальянская, представленная у него, помимо отрывка из Данте, Г. д'Аннунцио, Л. Стеккетти, С. Бенелли. Впрочем, с годами перевел он на иврит и фрагменты из Данте, и *Спартака* Р. Джованьоли. Ведь в ранней юности Жаботинский три года, с 1898 по 1901, проучился в Римском университете и страстно полюбил Италию, а среди ее веселой молодежи, как он рассказывал в автобиографии, радостно «растворился»: «Это был единственный период в моей жизни, когда я действительно жил в другом народе,

² Подробнее: Ораицкий 2014, 467-83.

одной жизнью с гражданами этой страны», – растроганно вспоминал он. «С русскими в России я почти совсем не “жил”». Существенно и то, что Рим в этом отношении напоминал ему родную Одессу. Как бы то ни было, язык он освоил невероятно быстро: «Тогда, в дни моей молодости, я говорил по-итальянски как итальянец, жители Рима принимали меня за жителя Милана, а сицилийцы за римлянина, но не за чужеземца» (Жаботинский 1989, 29-30). Правда, на первых порах случались и курьезные ошибки: одной из них стал его псевдоним *Altalena*: он думал, что это рычаг – оказалось, качели. Тем не менее, как подчеркивает Ст. Гардзонио в ценной статье об итальянском периоде Жаботинского (Гардзонио 2011, 75-83), тот же дебютный псевдоним он сохранил для своего позднего и как бы итогового “Мадригала”:

... но, может быть, вся жизнь моя – поэма,
И каждый стих в ней говорит о вас.

[...]

Я допишу – за час до переправы
Поэмы той последние октавы.

[...]

И будет там вся быль моих скитаний,
Все родины, все десять языков,
Шуршание знамен и женских тканей,
Блеск эполет и грязь тюремной рвани,
Народный плеск и гомон кабаков:
Мой псевдоним и жизнь моя – «Качели»...
Но не забудь: куда б ни залетели,
Качелям путь – вокруг одной черты;
И ось моих метаний – вечно ты (Жаботинский 1930, 113-14).

Из Рима он регулярно отправлял в *Одесские новости* заметки и корреспонденции, пока в 1901 году не вернулся в Одессу уже в качестве штатного репортера; но благодарная любовь к Италии, какой он знал ее в начале XX века, сохранилась у него на всю жизнь – а подрывал ее только ненавистный ему режим Муссолини: «Если есть у меня духовное отечество, то это Италия, а не Россия...» – признавался он в мемуарах. – «Все свои позиции по вопросам нации, государства и общества я выработал под итальянским влиянием». Наибольшее впечатление произвели на него профессора Римского университета, социалисты-либералы Антонио Лабриола и Энрико Ферри – «и веру в справедливость социалистического строя, которую они вселили в мое сердце», Жаботинский, по его словам, сохранил как «нечто само собой разумеющееся», пока она не разрушилась до основания «при взгляде на красный эксперимент в России». Неудивительно, что он печатался в социалистической газете *Аванти* – наряду с другой итальянской периодикой (Жаботинский 1989, 24-5).

В данном случае, однако, для нас важнее то, что его сионизм сложился, как он пишет, под сильным влиянием «легенды о Гарибальди, Мадзини, поэзии Леопарди и Джустини» (Там же, 25). Гарибальди вообще на всю жизнь оста-

вался для него самой почитаемой личностью, а определенное время он даже – как, впрочем, очень многие тогда в Европе – пытался распознать «нового Гарибальди» в Муссолини, пока не проникся отвращением к его диктатуре.

Вместе с тем на специфике его сионизма, помимо тогдашней атмосферы в Италии, эмоционально столь ему близкой, мощно сказался изначально присутствующий Жаботинскому неустанный активизм, дух отваги и захватывающего авантюризма, который он обожал и в западной литературе. Соответственно, именно с этой точки зрения в русской прозе его всегда отталкивал настрой унылой пассивности, своего рода психологический фатализм. Одним из вестников благого переворота он поначалу видел раннего Горького. В 1901 году в очень солидном итальянском журнале *Nuova Antologia* он напечатал статью “Anton Cekhov e Massimo Gorki. L'impressionismo nella letteratura russa”, где с витально ницшеанских позиций³ глубококому, вдумчивому, но безнадежно вялому Чехову противопоставил тогдашнего энергичного жизнелюба Горького (в котором однако, почти сразу и навсегда разочаруется).

Романтически-приключенческий настрой он будет воспевать с тех пор постоянно. В годы Первой мировой войны Жаботинский служил в Британии корреспондентом весьма почтенной, “профессорской” петербургской газеты *Русские ведомости*, совмещая эту службу с работой по созданию Еврейского легиона в составе Британской армии. Так вот, в это самое время, да еще накануне Февральской революции, 15 января 1917 года он улучил момент, чтобы напечатать в *Ведомостях* упомянутую статью “Фабула”, в которой он задорно призывал русскую литературу расстаться с нудным, статичным психологизмом и научиться наконец фабульной энергии и духу приключений у западных, в первую очередь английских романтиков – а подлинной парадигмой для них назвал Библию⁴. В начале 1920-х годов, когда улеглась смута, поднятая войнами и революцией, его призыв к фабульности взамен нудного бытописания и психологизма с готовностью подхватили Шкловский, Мандельштам, Замятин, Лунц («На Запад!») и даже партийный босс Бухарин, потребовавший создания собственных, советских Пинкертонов. Сам Жаботинский, правда, к тому времени в большевистской России был уже объявлен врагом пролетариата и оттого в этих статьях не упоминался, зато в них перечислялись те же, что у него, образцы для подражания: Купер, Стивенсон, Конан-Дойл и т.д.

Порывистый активизм, подчас весьма рискованного характера, отличал и основную, сионистскую деятельность Жаботинского, пугавшую его покладистых и медлительных коллег или сподвижников. Нельзя, однако, считать, будто он был безрассудным авантюристом. Напротив, его политический романтизм при всей его витальности представлял собой взвесь рассудительности и глубокой интуиции, причем вторую он ценил большей первой, поскольку

³ О ницшеанстве Жаботинского см., в частности: Охапа 1995, 39-63; Юдельман 2013, 196-206; Вайскопф 2006b, 236-38.

⁴ Текст этой статьи, как и ряда других статей Жаботинского из *Русских ведомостей*, был перепечатан мною в иерусалимском альманахе *Солнечное сплетение* (2000, № 14-15: 234-38).

был слишком рациональным человеком, чтобы не ставить во главу угла иррациональные факторы. Зато интуицию он всегда старался поверять анализом, хотя нередко торопил события. Этой двойственностью обусловлены его потрясающие пророчества, предшествовавшие обеим мировым войнам. В новогодней и краткой, как всегда, – на сей раз пятистраничной – заметке “Гороскоп”, датированной 1 января 1912 года, он предсказал

Прежде всего, на первой очереди событий в Европе стоит великая война. Та война, которой мир так боится и в то же время с таким болезненным, жутким любопытством ждет. Война [...] с участием земных, подводных и поднебесных войск [т.е. авиации], с невероятным количеством человеческих жертв [...]. [От нее] вся охнет и зашатается земная поверхность (Жаботинский 1922, 262-63).

Как видим, расширяя горизонты своего предсказания, Жаботинский предрекает здесь уже не европейскую, а мировую войну. Более того, он видит в ней и пролог к мировой революции:

То, что затевает Германия, есть революция, революция мирового размера, которая должна перебросить политическую ось мира, передвинуть полюсы [...]. Со дна души поднимутся потаенные инстинкты, зачешутся руки, заворчат злые, жадные голоса, пошлышатся старые, полузабытые упреки... и готово, все загорелось, все смешалось в *мировой свалке*... (Там же, 266).

Жаботинский заканчивает заметку словами о том, что предсказанная им буря грянет возможно, не в 1912 году, а «немного позже» (Жаботинский 1922, 262-67). Как уже сказано, в своих прогнозах он обычно опережал время, хотя по сути был прав. Для сравнения: Ленин, чью дар ясновидения так превозносили коммунисты, ровно через год, в 1913-м в письме к Горькому сетовал, что войны он так и не дождется. Она разразится летом 1914-го.

Еще до победы нацистов на выборах в Германии, в августе 1932-м, Жаботинский, в отличие от бесчисленных благодушных наблюдателей, понял какую страшную угрозу всему миру и евреям в первую очередь несет Гитлер. Единственную альтернативу их уничтожению он видел в массовом переселении на территорию будущего еврейского государства – в Палестину, как по римской традиции называли Страну Израиля. Уже в 1932 году он говорил, что эта эвакуация могла бы стать «физическим спасением миллионов людей, идеей почти мессианской в простейшем понимании этого слова». Он без устали возвращался к этой мысли и после нацистского электорального триумфа, когда в самой Германии очень многие, в том числе большинство евреев, думали, что нацисты, придя к власти, вскоре образумятся или же проиграны следующие выборы. В 1935-м, т.е. задолго до Холокоста Жаботинский снова возгласил: «Мы стоим на краю бездны, пред лицом катастрофы, надвигающейся на всемирное гетто»⁵. Его призывы к немедленной эвакуации, однако, осмеивались, а самого Жаботинского в еврейских газетах издевательски вели-

⁵ Цит. по великолепной компиляции: Бела 1991, 13.

чали «новым Иеремией». Вообще же его дружно поносили и иудейские ортодоксы, и ассимиляторы, и коммунисты, и либералы, и сионисты левого или умеренного толка, а глава последних – будущий основатель Израиля Давид Бен-Гурион называл его не иначе, как «Адольф Жаботинский» и «Владимир дуче». Если Жаботинский опережал историю, то другие безнадежно от нее отставали. Главным грехом соплеменников он считал их покорный фатализм, оптимистическую доверчивость и близорукость. Сам его призыв к скорейшему воссозданию еврейского государства казался им безумным экстремизмом.

В мае 1939 г., за три месяца до немецкого вторжения в Польшу, когда никто еще не помышлял о будущей катастрофе, выступая на митинге в Варшаве, Жаботинский в отчаянии воскликнул:

Кто посмеет сказать, что мой анализ неправилен? Кто скажет, что реальность опровергла меня?.. Такой покорности судьбе еще не знала история... Я пришел к вам с последней попыткой. Я зову вас. Проснитесь! Даже овцы, когда волк задерет вторую-третью из стада, пытаются убежать. А тут, Господи, да тут какое-то огромное кладбище! (Бела 1991, 16-7)

Его прозрения касались, конечно, не только евреев, но и всего мира. Чуть раньше, словно возвращаясь к своим пророчествам 1912 года, он заявил: «В ближайшие годы мир либо погибнет, либо обновится» (Там же, 96).

Сказано это было в апреле 1939-го, когда до Второй Мировой оставалось четыре с половиной месяца: она начнется 1 сентября и продлится шесть лет.

Какое, спрашивается, отношение имеет все сказанное к украинской теме? Самое тесное, но требующее дополнительных уточнений.

Как уже говорилось, нервом всей его деятельности был неустанный активизм, отвечавший его романтической сущности и соприродный именно той любви к «фабуле», действию, отважной авантюре, которую Жаботинский восславил в «Фабуле». Но и сам этот романтизм, в свою очередь, зиждился на непоколебимом программном индивидуализме, впитанном им еще в детстве, а не в юности, и пронесенном через всю жизнь: «В начале сотворил Господь Индивидуума», охотно повторял он. Однако, как всегда уточнял Жаботинский, это индивидуализм одновременно либеральный и аристократический⁶: «Каждый индивидуум – царь, равный своему ближнему; ближний твой – в свою очередь – тоже «царь»; и уж лучше пусть личность прегрешит против общества, а не общество против личности; ради блага индивидуумов создано общество, а не наоборот», – говорил он в автобиографии (Жаботинский 1989, 37).

Одновременно он с гордостью называл себя еврейским националистом – но, конечно, не в том нелепо ругательном смысле, который придали термину советские коммунисты: для него это был прямой аналог патриотизма – особенно актуальный для народа, лишённого родины. Естественно, возникает

⁶ См. Наор 2013, 267-76.

вопрос, как все же увязывается это предпочтение с его эпатажным индивидуализмом? Ответ дал сам Жаботинский в 1903 г. в статье “О национализме”:

Я думаю, что можно быть сторонником широких общественных идеалов нашего времени, желать братства народов и в то же время оставаться завзятым националистом [...]. Чем разнообразней состав оркестра, тем прекрасней симфония [...]. Жизнь не в стрижке всех под одну мерку, а в разнообразии [...] несходных индивидуальностей (Жаботинский 2010, 39, 41).

Подытожил эту статью он афоризмом: «*Национализм – это индивидуализм наций*» (Там же).

Словом, он проповедовал равенство самоценных – в том числе национальных – личностей и уважение к каждому человеку – в чем, собственно, и состоял его либеральный “аристократизм”, выработанный им, в свою очередь, не без английского влияния. Евреям же, сетовал он, катастрофически недостает элементарного национального самоуважения, выбитого из них мытарствами и многовековой травлей. В психологическом плане первоочередная задача сионизма – возродить у них чувство достоинства, растоптанное на чужбине.

В соответствии с этими принципами он с самым глубоким уважением относился и к освободительному национализму других народов и этносов. В этом плане он находился под сильным влиянием почитаемого им украинского социалиста М. Драгоманова⁷. Его обвинения против евреев как проводников имперской политики в ее национальных регионах произвели, очевидно, такое же благотворно-стрессовое впечатление на Жаботинского, как и его упреки по поводу неспособности и нежелания еврейской массы создать свою собственную национальную партию. Не зря Драгоманова считают провозвестником Бунда – еврейского революционно-социалистического движения.

Обращаясь к российским евреям, Жаботинский требовал от них «союза между меньшинствами, переговоров с украинцами и литовцами», о чем он с гордостью рассказывал в мемуарах:

Я сделал кое-какие шаги в этом направлении; у меня было много друзей в среде украинской общественности, потому что я поддерживал их движение на страницах «Новостей», но остальные сионистские деятели относились к этим моим затеям с ленивой и нескрываемой усмешкой (Жаботинский 1989, 97).

Солидаризируясь с украинскими устремлениями, он в собственном еврейском стане находился в изнурительной конфронтации с поборниками «отвратительного самоотречения», как он называл ассимиляцию, то есть тягу к полному растворению в инородной массе. По своим политическим взглядам ассимилянты относились преимущественно к буржуазной элите или, напротив, к левой интеллигенции, одержимой манией интернационализма (хотя левые доминировали, в общем, и среди сионистов). И все же сама эта крепнущая склонность к ассимиляции коренилась в другой, фундаментальной проблеме.

⁷ Украинским отношениям Жаботинского посвящена обширная литература, в основном, на украинском языке. К сожалению, в сегодняшней ситуации она технически недоступна.

Согласно Жаботинскому, неизбывный ужас чужбины (*галута*) состоит в застарелом нежелании еврейства вернуться к самому себе (тут он напрямую сходится с Драгомановым), к утраченным основам собственного исторического существования – и в сервильном уповании на внешние силы. Антисемитизм в принципе неистребим, но он может оставаться в относительно спокойном либо даже в латентном состоянии, тогда как в стадии обострения изливается свирепой ненавистью и человекоубийством:

Нас не любят не потому, что на нас возведены всяческие обвинения: на нас возводят обвинения потому, что нас не любят, – писал Жаботинский в 1911 году в статье “Вместо апологии” по поводу дела Бейлиса. – Оттого этих обвинений так много, они так разнообразны и так противоречивы. Сегодня нам кричат, что мы эксплуатируем бедных, завтра кричат, что мы сеем социализм, ведем бедных против эксплуататоров. Одна польская газета на днях уверяла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее России, а 100 русских газет уверяют, что евреи хотят расчленить Россию и восстановить Польшу... Что же, на весь этот визг и лай со всех сторон надо откликаться, божиться, уверять, присягать? Немыслимо и бесполезно [...] Наша привычка постоянно и усердно отчитываться перед всяким сбродом принесла нам уже огромный вред и принесет еще больший (Жаботинский 1922, 13, 16).

Это – с одной стороны. А с другой, еврейские радикалы поневоле разжигают завтрашний пожар повального антисемитизма – разжигают самой своей непомерной вовлеченностью в революционное движение. Оттого Жаботинский требовал для евреев «пропорционального участия» в революции, не превышающего их доли в общем составе населения. По существу, истоки этого интернационалистского энтузиазма, захватившего широкие массы еврейства, лежали в их усталости от бремени национальной обособленности и желании навсегда его сбросить. Сегодня мы слишком хорошо знаем, во сколько жертв обошлась евреям марксистско-космополитическая утопия.

Здесь мы кружным путем возвращаемся к украинской проблематике Жаботинского. Евреи, подчеркивал он за много лет до революции, поражены вирусом беспочвенности, комплексом «перекати-поля» (скрытая цитата из Чехова), который вместе с юдофобией обрекает их на вечные скитания и, соответственно, на готовность завтра отречься от любой страны, ставшей для них сегодняшним пристанищем. Поэтому они всюду охотно отдают предпочтение центральной власти – австрийской, польской – и/или господствующей культуре, что вызывает резонное возмущение у их ближайших национальных соседей. В 1912 году в фельетоне “На ложном пути” его обвинения достигают такого накала, что смыкаются с антисемитской риторикой (этого убежденного еврейского националиста вообще часто обвиняли в антисемитизме). Известно, пишет он, «до какого раболепства дошел теперь на польской службе галицийский ассимилятор, знаменитый “Мошко”». В том же уничижительном тоне Жаботинский характеризует русофильский настрой еврейской интеллигенции в Литве и Украине, сочувственно прибавляя:

Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда речь заходит о русификаторской роли еврейской интеллигенции, эта печать выходит из себя и положительно сбивается на антисемитские ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать. Ибо ведь действительно правда, что города Украины, где великороссов можно по пальцам перечесть, и вполвину бы не носили того характера, который носят теперь, если бы еврейская интеллигенция не так усердно шла навстречу администрации в смысле насаждения русского языка (Жаботинский 1978, 133).

Цитату я взял из его статьи 1910 года “Фальсификация школы”, в которой он ратовал за еврейскую, а равно за украинскую школу на родном языке – в согласии со своей общей точкой зрения на такое же право для всех народов России. Им ведь тоже сулят ассимиляцию. Нас

часто уверяют, – продолжает он, – будто эти народы уже примирились с перспективой растворения в котле чужой культуры. ... Особенно часто утверждают это по отношению к украинцам и белорусам. Какие, мол, они украинцы, какие белорусы! Они сами только о том и мечтают, как бы скорее разучиться говорить по-мужичьи и перейти к господской речи. Сюда обыкновенно припиливается «филологическая» справка о том, что украинский (а тем более белорусский) язык не язык даже, а просто наречие, один из говоров великорусского. Эта филологическая справка есть простая болтовня: испанский и итальянский, норвежский и датский, немецкий и голландский языки еще ближе друг к другу, чем русский и украинский, а все-таки это особые языки с особыми культурами, потому что самостоятельность языков определяется не филологами, а сознанием народов (Там же, 127).

Да и вообще, констатирует он, «главнейшие народности европейской и азиатской России при первом ветерке свободы все [...] без исключений, потребовали эмансипации от чуждой им русской культуры и права на свою национальную школу». А вот евреям такого права не дадут – и прикрепят их к русскому обучению, что, увы, отвечает их сегодняшней культурной ориентации. Вывод звучит мрачно для евреев Украины:

Прикрепощение евреев к русской школе зафиксировывает этот порядок вещей и сделает еврейское население окончательно ненавистным в глазах самых демократических элементов местного большинства (Там же, 130).

Иными словами, сионистский активизм Жаботинского вписывался в его общие надежды на пробуждение угнетенных народов: «Ибо вопрос о национальностях есть для России», – говорит он в статье “О языках и прочем”, – «кардинальный вопрос, более важный, более основной, чем все другие политические и даже социальные проблемы, включая хотя бы аграрную реформу».

И тут он вступает в полемику со своим главным оппонентом – П.Б. Струве, почтенным и в целом весьма либеральным публицистом, но одновременно апологетом единой национальной России и, соответственно, противником

самоопределения населяющих ее этносов. Принципиальное возражение Жаботинского таково:

Совершенно неточно смешивать под словом «русский» в одну кучу три народа, отличных друг от друга по языку, по темпераменту, по физическому типу, по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю (Там же, 138).

Струве же скопом записывает украинцев (которых называет, впрочем, «малороссами») и белорусов в тройственную, но единую «русскую нацию», в которой преобладают «великороссы». При таком подходе, замечает Жаботинский, «единая русская нация [...] возрастет до 65 процентов всего населения империи, т.е. до громадного большинства в две трети». Если же речь идет об отдельных народах, то русские образуют в России лишь 43 процента, что кардинально меняет общую картину.

Поэтому смело можно сказать, что разрешение спора о национальном характере России почти всецело зависит от позиции, которую займет тридцатимиллионный украинский народ. Согласится он обруться – Россия пойдет по одной дороге, не согласится – она поневоле пойдет по другому пути. Прекрасно поняли это правые (т.е. черносотенцы) в Государственной Думе. Когда решался вопрос о языках инородческой школы, они, смею ради, голосовали даже за каких-то «шайтанов» и «казанских греков» [...] но когда речь зашла об украинском языке, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты и просто подняли руки против, ибо почуяли, что тут самое опасное место, решительный шаг (Жаботинский 1978, 135).

И Жаботинский заключает: «Мы, «инородцы», предвидим только одну из двух возможностей: или в России никогда не будет свободы и права, или каждый из нас сознательно использует свободу и право прежде всего для развития своей самобытной национальной личности и для эмансипации от чужой культуры. Или Россия пойдет по пути национальной децентрализации, или в ней немислимо будет ни одно из оснований демократии, начиная со всеобщего избирательного права» (Там же, 136). Кто сегодня решится сказать, что и этот прогноз Жаботинского не оказался пророческим?

Отвергает он и расхожее представление, поддержанное расистскими, в сущности, доводами, о том, что коль скоро налицо «братские» этносы, «малороссам» нет смысла тратить усилия и обзаводиться собственной, отдельной культурой: «Культуры создаются национальностями», – возражает Жаботинский, – «и каждая из национальностей ревниво бережет свою культуру и противится, когда сосед ей навязывает свою, хотя бы сосед этот числился ей двоюродным братом “по расе” и единоутробным “по племени”» (Там же, 144). Отдельно и здесь, и в другой статье – “Урок юбилея Шевченко” – он энергично оспаривает также тезис Струве о том, что поскольку именно русская культура победила повсеместно в России, она доказала тем самым и свое превосходство над всеми прочими в империи. В частности, немногого, по его мнению, стоит довод Струве о том, что вот, например, теперь в Киеве

«нельзя быть участником культурной жизни, не зная русского языка». Жаботинский саркастически напоминает оппоненту, что везде – и в Киеве, и в Могилеве, и в Ташкенте победоносному шествию русской культуры расчистила путь полиция и власти империи, которые начиная с Петра Великого (здесь он ссылается на М. Грушевского), а затем вплоть до российского министра просвещения Валуева и его преемников вытаптывали любые ростки самобытных национальных культур. Статью о юбилее Шевченко он заканчивает сентенцией:

Чествовать Шевченко – значит понять и признать, что нет и не может быть единой культуры в стране, где живет сто и больше народов: понять, признать, потесниться и дать законное место могучему собрату, второму по силе в этой империи (Жаботинский 1922, 194).

Что же до собственно русской культуры, то Жаботинский, не будучи, как мы знаем, страстным ее поклонником, безоговорочно признает ее великие достижения, хотя и с существенной оговоркой. Придерживаясь романтической теории о том, что художник выражает дух и саму “философию народа”, в одной из своих статей, не связанных с украинской темой, – “Русская ласка” – он сухо напоминает о том, что эта культура – в лице Достоевского, Грибоедова или самого Пушкина с его стихотворением “Клеветникам России” пропитана жестоким национальным чванством и презрением к другим народам, которое мешает русским «учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австралии, у Японии, у всех, потому что все нас обогнали» (Там же, 130).

Естественно, однако, здесь было бы абсолютно недопустимым обойти вниманием такую болезненную тему, как плачевный финал еврейско-украинских отношений в 1918-1919 годах, когда по Украине прокатилась волна чудовищных погромов. Как реагировал на них Жаботинский? Само собой, как все нормальные люди: с горем и отвращением. При всем том он утверждал 4 июля 1926 года в нью-йоркской идишской газете *Дер Морген журнал*:

Ни Петлюра, ни Винниченко, ни остальные выдающиеся члены этого украинского правительства, никогда не были теми, как их называют, “погромщиками”. Хотя я их лично не знал, все же я хорошо знаю этот тип украинского интеллигента-националиста с социалистическими взглядами. Я с ними вырос, вместе с ними вел борьбу против антисемитов и русификаторов – еврейских и украинских. Ни меня, ни остальных думающих сионистов южной России не убедят, что людей этого типа можно считать антисемитами.

Но разве не при их попустительстве свершались массовые убийства? Так или иначе, первоочередная задача для Жаботинского заключалась в том, чтобы предотвратить погромы в ближайшем будущем, когда на фоне крестьянской повстанческой активности со дня на день ожидалось возобновление боевых действий в Украине. В 1921-м Жаботинский заключил договор с представителем петлюровского эмигрантского правительства Максимом Славинским о том, чтобы в случае предполагаемого возвращения украинских войск в Украину евреи в целях самообороны создали там собственную территориальную

милицию с независимым командованием⁸. Договор дал некоторый козырь большевистской антиссионистской пропаганде, и в 1926-м, когда в Париже Шломо (Самуил) Шварцбард застрелил Петлюру, отомстив за свою уничтоженную семью, в *Одесских известиях* появилась карикатура: Жаботинский на могиле Петлюры говорит: «Пусть земля тебе будет пухом... из еврейских перин». Само собой, никакого участия в похоронах Жаботинский не принимал. 11 октября 1927 года, отвергая ссылки на внешние обстоятельства, он опубликовал в парижских *Последних новостях* письмо “Петлюра и погромы”:

Такой правитель и главнокомандующий виновен перед еврейским народом, перед народом украинским и перед всем человечеством. Если часть украинского общества сделает из этого моего разъяснения вывод, будто я стал недругом украинского национального движения, это будет только второй нелепостью, такой же нелепой, как предположение, будто я считал Петлюру «невиновным». Я остаюсь другом украинского движения [...]. Но если есть в украинском движении люди или группы, которые думают, будто погромы есть простительная мелочь, будто можно допустить систематическую резню евреев и оставаться героями и чистыми – то таким людям и группам я не друг, а враг (Жаботинский 1927).

История украинско-еврейских взаимоотношений за минувшие века претерпела самые страшные перипетии⁹. Но сегодня все решительно изменилось к лучшему, и оттого впору подумать о светлых сторонах общего прошлого, которых тоже хватало, причем в самых разных сферах деятельности – культурных, религиозных и политических. О них уже много написано, но применительно к нашей теме стоит принять во внимание, что сионизму предшествовало т.н. “палестинофильство” (движение Хибат Цион) 1880-1890-х гг., сложившееся в кругу молодых идеалистов Харькова, которые свою репатриацию в Страну Израиля рассматривали прежде всего как возвращение еврейства к производительному труду на родной земле. Не вызывает удивления, что в последнем отношении они были выучениками русско-украинского социалистического народничества – как и пришедший им на смену аграрно-коллективистский сионизм, создавший киббуцы. Жаботинский, выросший уже в другую эпоху, также долгое время сохранял социалистические настроения. Они прошли после большевистского переворота – но навсегда осталось другое: его анархический настрой.

Все в той же автобиографии, где Жаботинский в очередной раз писал, что вначале Бог сотворил индивида, он неожиданно расширил свою мысль до эсхатологической утопии: «И грядущий конец истории, пришествие Мессии –

⁸ Это «то соглашение», – вспоминал Жаботинский, – «из-за которого меня кляли на всех перекрестках еврейской улицы и которое я готов подписать вторично» (Жаботинский 1989, 79).

⁹ Беглый обзор темы с привлечением релевантной библиографии см., в частности: Дворкин 2014; Музыкачко 2009, 195-203. Ср, с другой стороны: Cala 1995.

это рай индивидуумов, *царство сияющей анархии*, игра взаимодействующих человеческих сил» (Жаботинский 1989, 37). Кроме итальянских социалистических традиций, у него перед глазами были и весьма впечатляющие украинские примеры – причем не только махновского пошиба. Видный эсер В. Зензинов с восхищением вспоминал о свободном и высокоэффективном самоуправлении крестьянского общества Черниговщины в годы первой революции, подчеркивая, вместе с тем, что оно пресекло тогда попытки местных черносотенцев устроить еврейский погром (Зензинов 1955, 330-37). Заманчиво было бы заподозрить в утопии Жаботинского отголоски этого украинского народного индивидуализма, нашедшего постоянное выражение как в обособленности хуторских хозяйств, так и в подобной самоорганизации крестьянства. Впрочем, услышав мое предположение, Михаил Гончарок, признанный специалист по еврейскому анархизму, возразил мне, что в основе анархических и антигосударственных тенденций Жаботинского лежал, скорее всего, Ницше с его *Заратустрой*, который оказал сильное воздействие не только на сионизм, но и на анархизм в еврейской среде. Так или иначе, я здесь коснулся целого комплекса проблем, выходящих далеко за рамки данной статьи.

Цитируемая литература

- Cala, Alina. 1995. *The Image of The Jew in Polish Folk Culture*. Jerusalem: The Magnes Press.
- Ohana, David. 1995. "Zarathustra in Jerusalem: Nietzsche and the «New Hebrews»." *Israel Affairs* 1 (3).
- Бела, Моше. 1991. *Мир Жаботинского*. Иерусалим: Бейтар.
- Вайскопф, Михаил Я. 2006а. "Между Библией и авангардом: фабула Жаботинского." *Новое литературное обозрение* 2006/4: 131-44.
- Вайскопф, Михаил Я. 2006б. "Любовь к дальнему: заметки о русскоязычном творчестве Владимира Жаботинского." *Вестник Еврейского университета* 11 (29): 224-28.
- Вайскопф, Михаил Я. 2022. *Агония и возрождение романтизма*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гардзонио, Стефано. 2011. "В.З. Жаботинский." В кн. Стефано Гардзонио, и Бьянка Сульпассо, *Осколки русской Италии. Исследования и материалы*. Кн. 1. Москва: Викмо-М, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь.
- Дворкин, Игорь М. 2014. "Украинско-еврейские отношения в полиэтнической парадигме истории Украины." В кн. *Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXI Международной конференции по иудаике, 200-6*. Москва: Сэфер, 2014.
- Жаботинский, Владимир В. (Зеэв). 1922. *Фельетоны*. Третье, дополненное изд. Берлин: Изд. С.Д. Зальцман.
- Жаботинский, Владимир В. (Зеэв). 1927. "Петлюра и погромы." *Последние новости* [Париж] 11 октября.
- Жаботинский, Владимир В. (Зеэв). 1930. *Стихи: Переводы – плагиаты – свое*. Париж: [Изд. автора; Тип. Voltaire].
- Жаботинский, Владимир В. (Зеэв). 1978. *Избранное*. Иерусалим: Библиотека Алия.
- Жаботинский, Владимир В. (Зеэв). 1989. *Повесть моих дней* [сипур хаяй]. [Иерусалим]: Библиотека-Алия.

- Жаботинский, Владимир В. (Зеев). 2009. *Полное собрание сочинений*, в 9 тт. Том II /2. Минск: МЕТ.
- Жаботинский, Владимир В. (Зеев). 2010. *Полное собрание сочинений*, в 9 тт. Том III/3. Минск: МЕТ.
- Зензинов, Владимир М. 1955. *Пережитое*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Иванова, Евгения В. 2005. *Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений*. Москва-Иерусалим: Мосты культуры.
- Музычко, Александр Е. “Историк как мифотворец: миф о «еврее-эксплуататоре» и «украинце-погромщике» в исторической мысли XIX – начала XX века.” В кн. *История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции*. Сб. статей: Москва: Сэфер, 2009.
- Орлицкий, Юрий Б. 2014. “Своеобразие стиха русских стихотворений и стихотворных пьес В. Жаботинского.” In: *Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXI Международной конференции по иудаике*, 467-83. Москва: Сэфер, 2014.
- Наор, Арье. 2013. “О понятии национализма у Жаботинского.” В кн. *Жаботинский и Россия*. Сб. трудов Международной конференции «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», посвященной 130-летию В.Е. Жаботинского. Под ред. Леонида Кациса и Елены Толстой, 269-76. Stanford: Stanford Slavic Studies.
- Юдельман, Йонатан. 2013. “Между декадансом и монизмом: амбивалентное ницшеанство Жаботинского.” В кн. *Жаботинский и Россия*. Сб. трудов Международной конференции «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», посвященной 130-летию В.Е. Жаботинского. Под ред. Леонида Кациса и Елены Толстой, 196-206. Stanford: Stanford Slavic Studies.